

⁵⁶ См.: Фёдоров И. О. Униатская политика Ватиана в Западной Беларуси в довоенные годы (1919–1939): Дис. ... канд. ист. наук. Гродно, 1985. С. 184–185.

⁵⁷ См.: Stępien S. Указ. соч. С. 156–157.

⁵⁸ См.: Николаев К. Н. Указ. соч. С. 193.

⁵⁹ Pamiętnik I-ej Konferencji Kaplańskieej w sprawie uniji koscieinej w Pinsku. Pinsk, 1931. С. 122.

⁶⁰ См.: Николаев К. Н. Указ. соч. С. 196.

⁶¹ Да Злучэння. 1934. № 12 (36). С. 1, 3.

⁶² См.: Oriens. 1938. № 2. С. 53.

⁶³ См.: Waczynski B. Św. Grzegorz i sw. Zachariasz a filioque // Oriens. 1938. № 3. С. 73–75.

⁶⁴ См.: Мараш Я. Н. Политика Ватиана и католической церкви в Западной Беларуси (1918–1939). Мин., 1983. С. 11.

Поступила в редакцию 12.12.2002.

Александр Николаевич Свирид – аспирант кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени. Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор П.И. Зелинский.

E.B. КОРЕНЬ

ДЕКАБРИСТЫ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕЯТЕЛИ

Рассматриваются политические воззрения декабристов и их действия. Декабристы представляются автору вынужденными революционерами, которых на выступление толкнула реакция.

The article is devoted to political views of the Decembrists as well as their actions. The Decembrists are seen by the author as compelled revolutionists pushed to actions by the reaction.

Благодаря политической роли декабристы выделились на фоне своей эпохи и заняли особое место в общеисторическом потоке. Будучи представителями привилегированного сословия, они тем не менее выступали против крепостного права и прочих дворянских привилегий, боролись за социальную справедливость.

Многие их действия и поступки, истолкованные вне определенного исторического и политического контекста, могут быть неправильно поняты. Вот, например, что писал о К.Ф. Рылееве его сослуживец А.И. Косовский: «...он не полюбил службы, даже возненавидел ее... называл это унизительным для человека, понимающего самого себя, то есть подчиняться себе подобному и быть постоянно в прямой зависимости к начальнику; ...с наступлением же 1815 года, когда российские войска вторично вступили в пределы Франции... когда батарея готовилась к высочайшему смотру близ г. Верту, Рылеев успел составить несколько записок того края, в которых старался изложить свой взгляд. Зародилась в нем мысль, что в России все дурно, для чего необходимо изменить все законы и восстановить (так в источнике. – Е. К.) конституцию... он старался приобрести все лучшие сочинения русских авторов. В течение 1817–1818 гг. он исписал целые горы бумаги... деловых никогда никому не показывал. При стольких заботах своих он крепко дорожил временем и редко показывался между товарищами, а если и являлся, то на короткое время, часто уверяя, что один трудится за всех нас». Он говорил: «По моему мнению, вы жалкие и умрете в неизвестности, тогда как мое имя займет в истории несколько страниц; кто переживет из вас, тот убедится!..» «Слушая эти речи из уст такого мечтателя, каков был Рылеев, мы этот раз посмеялись от души и пожалели, что он не оставляет своих убеждений, которые со временем могли разрушить его умственные понятия... чтобы передать свое имя потомству, он заранее обрек себя на все смерти!» Сослуживцы обращали внимание на то, что Рылеев «помешан был на равенстве и свободомыслии». Он предсказал России в будущем «величие и счастье подданных, но не иначе как с изменением законов, уничтожением лихоимства, доказывал, сколько зла в администрации... нам же завещал свою мысль: не подчиняться никому, стремиться к равенству вообще и идти путем здравого рассудка, в чем, по его мнению, состояло

счастье каждого»¹. Уезжая из полка, К.Ф. Рылеев говорил товарищам, чтобы они помнили его слова как залог будущего счастья России: «...я не сойду с избранного пути, ибо твердо уверен в предприятии своем, и вы увидите скоро! Это время не за горами, кто переживет из вас, тот оправдает меня...»²

Поведение К.Ф. Рылеева и многие его высказывания были непонятны товарищам по полку. Все выяснилось для многих гораздо позже, когда уже произошли декабрьские события 1825 г. и совершилась его казнь. Поведение и высказывания К.Ф. Рылеева свидетельствуют о том, что он еще задолго до вступления в тайное общество «обрек себя на борьбу за угнетенную свободу человека» так же, как и его соратники.

Показателен в этом отношении и пример П.Я. Чаадаева. Осенью 1820 г. произошло возмущение Семеновского полка из-за издевательств полковника Ф.Е. Шварца. Император Александр в это время находился в Троппау на конгрессе Священного союза, куда и отправился курьером П.Я. Чаадаев – офицер Семеновского полка. Он, ротмистр, напросился в эту поездку сам, и его рвение было непонятно многим его товарищам, которые считали, что главной причиной стало его честолюбие и желание получить флигель-адъютантский чин. Позже еще большее удивление вызвал его внезапный уход в отставку, который пытались объяснить гневом императора за опоздание П.Я. Чаадаева, уделявшего слишком много внимания своей внешности. Но историки выяснили, что он не опаздывал и вовремя сообщил императору о «семеновской истории». Таким образом, его уход в отставку оказался результатом личного решения, тогда как ему действительно следовал чин флигель-адъютанта³. Ю.М. Лотман вполне правдоподобно объяснил чаадаевскую историю следующим образом. П.Я. Чаадаев хотел сообщить царю правду о причинах восстания Семеновского полка, которые заключались в издевательствах над солдатами, обусловленных разлагающим влиянием крепостного права. В своем поведении П.Я. Чаадаев руководствовался поведенческим текстом, подсказанным драмой Шиллера «Дон Карлос». Он разыграл «вариант русского маркиза Позы», бескорыстно вскрывая перед царем причины бедствий отечества в минуту, когда последний испытал сильное потрясение от новости, что и гвардия уже не надежна. А чтобы царь поверил его бескорыстию, П.Я. Чаадаев отказался от всяких наград и от карьеры. Ведь он хорошо знал, как Александр I ненавидит царедворцев и карьеристов и ценит личное бескорыстие, благодаря чему его доверием пользовались Н.М. Карамзин и А.А. Аракчеев. Но П.Я. Чаадаев не учел, что император не терпел личной независимости и претензий на руководство им. Жест П.Я. Чаадаева вызвал неприятие. И он демонстративно ушел в отставку, вызвав всеобщее недоумение, пересуды и клевету в свой адрес⁴. Шиллеровская драма, конечно, могла подсказать П.Я. Чаадаеву образ действий. В ту романтическую эпоху подобные сюжеты владели многими умами, влияли на поведение. Так, И.Д. Якушкин вспоминает, как его друг П.Х. Граббе даже отказался ехать к гр. А.А. Аракчееву после разговора с И.Д. Якушкиным, прочитавшим Граббе несколько писем Брута к Цицерону, в которых первый, решившись действовать против Октавия, упрекает последнего в малодушии.

Надо отметить, что многое в деятельности декабристов объясняется их политическим выбором. «Декабристы, – писал историк Я.А. Гордин, – предстают в массовом сознании или корыстными узурпаторами, или прекраснодушными мечтателями, решившими принести себя в жертву. Они были прежде всего! – политиками. Политиками бескорыстными в большинстве своем и, главное, трезвомыслящими»⁵.

М.О. Гершензон как-то писал о декабристах: «Кровных нравственных искаций, трагедий духа мы не встретим в нашем передовом обществе ни разу на всем протяжении XVIII – первой четверти XIX в. Как облако из морских испарений, так из быта рождалось мировоззрение, в общем одинаковое у

всех и никем не выстраданное»⁶. Но увы! Декабристы пережили достаточно много нравственных мучений, «кровных исканий» и «трагедий» духа на своем пути к декабрю 1825 г. и после него. Военно-политические обстоятельства того периода повлияли на их слишком раннее взросление и не оставили времени на раздумья. Довольно долго политическая проповедь и попытки с помощью записок и преобразовательных проектов на имя царя склонить его к реформам (к отмене крепостного права, реформе законодательства, конституции) были важными тактическими приемами декабристов, как и попытки просветить помещиков «насчет пользы освобождения крепостных» (период «Союза спасения», «Союза благоденствия»). Они, эти будущие революционеры, слишком болезненно реагировали на всякие проявления зла. П.И. Пестель признавался на следствии, что рабство крестьян слишком действовало на него⁷. Н.И. Тургенев также фантастично ненавидел крепостное право и буквально болел идеей уничтожения его⁸. Я.М. Андреевич «роптал на бога и на царя», видя все несчастья России, «искал способа сделаться полезным своему отечеству» и «готов был на все, что оное общество потребует для блага народа» – решился мстить тому, кто стал причиной тиранства, слез и притеснений для его соотечественников⁹.

В.В. Леонтович писал, что Александр I «не мог исполнить своих обещаний потому, что те, кто должны были служить ему опорой при проведении в жизнь его либеральной программы, сами полностью подпали под власть мечты о революционном перевороте»¹⁰. Но ведь исторические факты как раз свидетельствуют о другом: либерализм все время превращался в радикализм по вине самой власти, которая пресекала всякие либеральные попытки общественности, если они хоть немного затрагивали прерогативы императора. И не молодые либералы 1810-х – начала 1820-х гг. оставили Александра I, попав под власть революционных идей. Сам император оттолкнул их своими реакционными мерами начала 1820-х гг. и заставил обратиться к более радикальной политической программе и тактике. Прежде чем решиться на вооруженное восстание, военную революцию, заговорщики перепробовали все мирные средства. Об этом впоследствии вспоминали И.Д. Якушкин, С.П. Трубецкой, Н.И. Тургенев. Это признают многие исследователи движения декабристов¹¹.

Неспособность правительства к преобразованиям заставила реформаторов превратиться в революционеров¹². Еще в 1817 г., когда распространился слух о намерениях царя присоединить западные территории к Польше и, уехав в Варшаву, объявить оттуда об освобождении крестьян, у членов «Союза спасения» возникла мысль о необходимости цареубийства. Причиной этому было возмущение отношением царя к своей стране, к народу и убеждение, что если император поступит подобным образом, то спровоцирует новую пугачевщину. Но, даже несмотря на возникновение идеи цареубийства, речь еще далеко не шла о ликвидации монархии вообще. Было лишь стремление вынудить правительство к реформам. Декабристы обоснованно опасались народного бунта. Как справедливо заметил С.В. Мироненко, их «Московский заговор» «демонстрирует нам первое прямо сформулированное отрицательное отношение декабристов к народному бунту». При этом они ненавидели и крепостное право¹³. В 1917 г. И.Д. Якушкин вызвался совершить цареубийство в форме своеобразной дуэли, убив при этом и самого себя¹⁴. И.Д. Якушкин – человек серьезный, не склонный к фанфаронству, – был сильно поражен известием о намерениях царя Александра I. Но он бы пошел на цареубийство как на дуэль, на которую не пойдет царь, но на которую его надо вынудить за оскорбление, нанесенное России. На следствии И.Д. Якушкин не отрицал этого.

Под влиянием непоследовательной, часто провокационной политики правительства у членов тайных обществ не раз возникали крайние идеи (цареубийства, захвата царя и т. п.), но они так и не осуществились, потому

что противоречили этическим принципам этих людей, их понятиям о чести. П.И. Пестель был прав, когда писал, что идея цареубийства никогда практически тайным обществом не принималась и что «...рассудок может говорить, что для успеха такого-то предприятия нужна смерть такая-то, но весьма далеко от сего умозаключения до покушения на жизнь», а не случись смерти Александра I, никаких бы акций тайного общества не было бы и вовсе¹⁵. Довольно глубоко постигший сущность декабризма Г.В. Вернадский писал: «Процесс кипения был вовсе не завершен, а лишь случайно прерван 14 декабря...»¹⁶

Позже декабрист М.А. Фонвизин писал об участниках переворота 1801 г. и о декабристах, которые первыми стремились к перевороту не из любви к отечеству и сострадания к народу, а из страха перед тиранством Павла и из желания возвратиться к своевольному и безнравственному образу жизни времен Екатерины. Декабристы же, как отмечал еще один участник движения, больше всего хотели «водворить в отечестве владычество законов, дабы навсегда отстранить необходимость прибегать к средству, противному и справедливости и разуму»¹⁷.

В выборе путей и средств для достижения своей цели декабристы были крайне осторожны и щепетильны. Их любили обвинять в «далекости от народа». Декабристы действительно были людьми другого культурного уровня, другой культурной среды. Но они искренне стремились к народному благу и просвещению. Хотя, в отличие от последующих поколений революционеров, у декабристов не было тенденции «ходить в народ» или самоуничижаться перед ним. Не нисходить до уровня темного и забитого народа, а искать пути улучшения быта и повышения культурного уровня было характерно для декабристов. Отсюда их просветительство и острый интерес к воспитательным и образовательным системам вроде ланкастерской. Дворянские революционеры не хотели допустить участия народа в революции потому, что это могло привести к гражданской войне и к всеобщему разорению, чего меньше всего могли желать политики-патриоты. Военная революция представлялась им меньшим из зол, вынужденным средством. Они даже не были революционерами в традиционном понимании этого слова, как впоследствии М.А. Бакунин, С.Г. Нечаев, В.И. Ленин. Они были русскими офицерами, чиновниками, просветителями. Г.П. Федотов, осмысливая трагический путь русской интеллигенции, писал о декабристах: «Вдумываясь в своеобразие их портретов в галерее русской революции, видим, до чего они, по сравнению с будущими, еще почвенны. Как интеллигенция XVIII в., они тесно связаны со своим классом и с государством. Они живут полной жизнью: культурной, служебной, светской. Они гораздо почвеннее интеллигентов типа А.Н. Радищева и Н.И. Новикова, потому что прежде всего офицеры русской армии, люди службы и дела, нередко герои, обвеянные пороховым дымом 12-го года. Их либерализм, как никогда впоследствии, питается национальной идеей»¹⁸.

То, что декабристы не сразу стали революционерами, подтверждает и тот факт, что преобразовательные и конституционные проекты были созданы Н.М. Муравьевым и П.И. Пестелем только в начале 1820-х гг. До этого были в основном «Уставы» и программы деятельности тайных обществ, члены которых долго жили надеждами на реформаторскую инициативу верховной власти. Разрыв между властью, отступавшей от реформ, и теми, кто мог их принять, сказался на эволюции тайных обществ, способствовал их радикализации. Хотя, с другой стороны, даже у наиболее радикальных декабристов, как, например, П.И. Пестель, не обходилось без колебаний на революционном пути. Действительно, правительство упорно затягивало решение вопроса о реальной подготовке реформ, а тем временем составленные в тайных обществах конституционные проекты принимали все более радикальные черты¹⁹.

Под влиянием внутренней реакции и роста всеобщего недовольства политикой Александра I, аракчеевщиной, с одной стороны, и под впечатлением европейских революций 1820-х гг. в Испании, Португалии, Пьемонте, Неаполе – с другой, члены тайных обществ и пришли к выводу о необходимости скорейшего насилиственного вмешательства в «ход вещей» «посредством военной революции», пример которой был блестяще преподан испанской армией во главе с полковниками Риего и Квирогой²⁰. И после этого споры о путях и средствах продолжались. Одни (М.Н. Муравьев) предполагали насилиственное преобразование самодержавной монархии в конституционную, а другие (П.И. Пестель) склонялись и к ликвидации монархического правления вообще. Причем второй вариант вызывал сильные сомнения и у самого автора. Н.М. Муравьев, как известно, перешел от идеи республики к идеи конституционной монархии, пожив в провинции в 1821–1822 гг. и понаблюдав за солдатами и простыми людьми, настроения которых были монархическими. Оказало влияние на эту эволюцию и Семеновская история и европейские потрясения²¹. Сомнений не могло не быть и у П.И. Пестеля – армейского полковника, который имел возможности наблюдать народ и, очевидно, понимал, что вера в царя у крестьян очень глубока, в отличие от отношения к дворянам. А это таило в себе опасность и для дворян-заговорщиков, и для страны в случае неудачного развертывания событий предполагаемого переворота. Характерно, что 6-ю главу своей «Русской правды» о государственной власти П.И. Пестель так и не написал, имея в виду два варианта решения вопроса: республиканский и монархический²². В последнем полномочия монарха должны были соответствовать президентским. Даже на Петербургском совещании декабристов в 1824 г. П.И. Пестель, по существу, отстаивал не столько республику, сколько свой аграрный проект и идею сильной централизованной власти (диктатуры)²³. Идея эта возникла у него, вероятно, из-за убеждения, что освобождение крестьян без земли и ослабление центральной власти, как показывала история, неизбежно вели к катастрофе. Надо отметить, что декабристы, дети современников французской революции и русской пугачевщины, хорошо понимали, что переворот может иметь и нежелательные последствия. П.И. Пестель, например, отрицал необходимость пропаганды среди солдат, считая, что их лучше использовать как орудие в организованном перевороте, который должен совершиться без кровопролития и беспорядков²⁴.

Современники наполеоновских войн, в которых принимали непосредственное участие декабристы, имели основания опасаться гражданской войны, робеспьеризма, бонапартизма. Когда в 1824 г. Южное общество декабристов встретилось с просветительским конспиративным Обществом единенных славян, между членами обеих организаций состоялся весьма примечательный в этом отношении разговор. На собрании у Я.М. Андреевича П.И. Борисов намекнул, что диктатура, идею которой приняло Южное общество, может привести к установлению единовластия кого-нибудь из членов тайного общества. На это М.П. Бестужев-Рюмин возмущенно ответил: «...мы, которые убьем... законного государя, потерпим ли власть похитителя? Никогда! Никогда!» Борисов в ответ привел пример Октавиана Августа, который захватил власть в Риме после убийства заговорщиками республиканцами Юлия Цезаря²⁵. Известны также и подозрения некоторых декабристов насчет П.И. Пестеля. Но в конечном счете они опровергались самой жизнью.

П.И. Пестель был блестящим теоретиком в области общественно-политических наук. Он поражал глубиной и твердой логикой мышления всех, кто его знал²⁶. Но практических последствий его выводы о необходимости тех или иных революционных действий не имели. Напротив, известно, что именно противодействие П.И. Пестеля в 1823 г. под Бобруйском и в 1824 г. под Белой Церковью помешало намерению революционеров-практиков

М.Н. Муравьеву-Апостолу и М.П. Бестужеву-Рюмину организовать похищение императора с целью навязать правительству реформы. Предполагалось убить императора, если он откажется выполнить требования заговорщиков, либо использовать его как заложника, чтобы обезопасить себя во время переворота²⁷.

В 1825 г. П.И. Пестель переживал духовный кризис. Был момент, когда он вообще разуверился в возможности успеха тайного общества. Ему приписывали честолюбивые планы, а он опасался как раз гибельных последствий всех замыслов тайного общества при сложившейся ситуации в стране как для самих декабристов, так и для России. Н.И. Лорер описал свои беседы с П.И. Пестелем, который, будучи в очень мрачном настроении незадолго до декабрьских событий, между прочим, сказал: «...я не сплю уже несколько ночей, все обдумывая каждый шаг, на который решаюсь. Получая все чаще и чаще неблагоприятные сведения от управ, убеждаясь, что члены общества все более и более охладевают к нашему делу, что никто ничего не делает в преусвейение его, что государь извещен о существовании тайного общества и ждет благовидного предлога, чтоб нас всех схватить, – я решился дождаться 1826 года... отправиться в Таганрог и принести государю свою повинную голову, с тем намерением, чтобы он внял настоятельной необходимости разрушить общество, предупредив его развитие дарованием России тех уложений и прав, коих мы добиваемся»²⁸. Н.И. Лорер всячески отговаривал П.И. Пестеля от подобного шага. До самого ареста он никаких действий и не предпринял, более того, и не пытался бежать из-под ареста, хотя, арестованный, он довольно свободно содержался на квартире генерала Байкова, куда приходили С.Г. Волконский и Юшневский. П.И. Пестель не дал никакого сигнала к действию.

Надо признать, что не только технические и тактические просчеты и ошибки восставших декабристов привели к их поражению, но и нравственные колебания, склонность сочетать политику и мораль, категорический отказ воспользоваться волнениями военных поселений, крестьян или организовать пальбу по противнику, а также убить Николая или Михаила Павловича. То, что с правительенной стороны пострадали полковники Г.И. Гебель, В.Н. Шеншин, Б.А. Фридерикс, убит М.А. Милорадович – это, скорее, неизбежные издержки бунта, запальчивости, которая возникает в ходе всякого возмущения, но никак не целенаправленные действия, предусмотренные заранее. Диктатор С.П. Трубецкой не явился на Сенатскую площадь, потому что видел недостаточное количество войск для организованного бескровного переворота. Боевой офицер, он боялся не опасности сражения, ни даже ответственности перед правительством (он 10 лет состоял в тайном обществе, всегда рискуя быть арестованным), он боялся той ответственности за кровь, пролитую в возможной гражданской войне, которая легла бы на него как на диктатора восстания. У С.П. Трубецкого был план бескровного переворота, но он сорвался, потому, что А.И. Якубович и А.М. Булатов так и не решились захватить дворец и арестовать императорскую фамилию. Восстание, таким образом, превратилось в вооруженную демонстрацию с требованиями конституции²⁹.

Восставшие «южане» также отказались воспользоваться крестьянскими волнениями в имении графини Браницкой в Белой Церкви³⁰. О.И. Киянская высказала весьма обоснованное мнение, что руководитель восстания Черниговского полка С.И. Муравьев-Апостол, видя полное разложение дисциплины в полку, невозможность относительно бескровного военного переворота и опасность крестьянской войны в перспективе, предпочел «сомнительной славе нового Пугачева» «потерю смысла восстания, разгром полка и в конечном счете собственную гибель»³¹. М.Н. Покровский прав, что декабристов «победил призрак пугачевщины»³², но боялись они не за себя, не за судьбу сословия, а за Россию.

Таким образом, декабризм – это движение дворянской интеллигенции, доведенной до крайности реакционной политикой самодержавия. В противном случае они вряд ли пошли бы дальше культурно-просветительской деятельности и салонных и журнальных опросов. Декабристов постигла неудача как организаторов восстания, но в то же время они одержали победу моральную как политики. Их нравственное значение гораздо больше, чем факт восстания.

¹ Декабристы в воспоминаниях современников. М., 1988. С. 79–85.

² Там же. С. 85.

³ См.: Тынянов Ю. Н. Сюжет «Горя от ума» // Литературное наследство. М., 1946. Т. 47. С. 48, 161–162; Жихарев М. И. Докладная записка потомству о П. Я. Чаадаеве // Русское общество 30-х гг. XIX в. Люди и идеи. Мемуары современников. М., 1989. С. 71–80.

⁴ См.: Тынянов Ю. Н. Указ. пр. С. 168–170; Лотман Ю. М. Декабрист повседневной жизни // Он же. В школе поэтического слова. М., 1988. С. 174–180; Эйдельман Н. Я. Последний летописец. М., 1983. С. 117.

⁵ Гордин А. Я. Мятеж реформаторов. Л., 1989. С. 9.

⁶ Гершензон М. О. История молодой России. Пг., 1923. С. 5–8.

⁷ См.: Восстание декабристов: В 18 т. М.; Л., 1925–1986. Т. 4. С. 105.

⁸ См.: Тургенев Н. И. Россия и русские // Русские мемуары. 1800–1825. М., 1989. С. 28.

⁹ См.: Восстание... Т. 5. С. 287–288, 371–372, 386.

¹⁰ Леонович В. В. История либерализма в России. 1762–1914. М., 1995. С. 115.

¹¹ См.: Мемуары декабристов. Северное общество. М., 1988. С. 22–23, 329, 341; Якушкин И. Д. Записки. С. 394.

¹² См.: Пантин И. К. и др. Революционная традиция в России. М., 1986. С. 118–119, 131; Ланда С. С. Дух революционных преобразований. М., 1975. С. 197, 212; Гордин Я. А. Мятеж реформаторов. 14 декабря 1825. Л., 1989. С. 15; Лебедев А. А. Честь. М., 1989. С. 34–36.

¹³ См.: Мироненко С. В. Московский заговор 1817 г. и проблемы формирования декабристской идеологии // Революционеры и либералы России. М., 1990. С. 249–250.

¹⁴ См.: Якушкин И. Д. Записки. С. 389–390; Трубецкой С. П. Записки // Мемуары... С. 26–27; Восстание... Т. 3. С. 53; Лебедев А. А. Указ. пр. С. 342.

¹⁵ Восстание... Т. 4. С. 103–104; Т. 9. С. 229, 252.

¹⁶ Вернадский Г. В. Два лица декабристов // Свободная мысль. 1993. № 15. С. 84.

¹⁷ Фонвизин М. А. Сочинения и письма: В 2 т. Иркутск, 1982. Т. 2. С. 146–147; Лукин М. С. Письма из Сибири. М., 1987. С. 71.

¹⁸ Федотов Г. П. Трагедия интеллигенции // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 424.

¹⁹ См.: Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 251.

²⁰ См.: Ланда С. С. Дух революционных преобразований. С. 225–235.

²¹ См.: Дружинин Н. М. Декабрист Никита Муравьев // Он же. Избр. труды. Революционное движение в России в XIX в. М., 1985. С. 102–104.

²² См.: Восстание... Т. 4. С. 87, 125; Т. 7. С. 342–346.

²³ См.: Захаров Н. С. Петербургское совещание декабристов 1824 г. // Очерки истории декабристов. М., 1954. С. 92–93.

²⁴ См.: Восстание... Т. 4. С. 103–104, 390; Т. 9. С. 226–227; Ланда С. С. Указ. соч. С. 193, 201, 226.

²⁵ См.: Горбачевский И. И. Записки // Мемуары... М., 1988. С. 189–190.

²⁶ См.: Восстание... Т. 1. С. 159, 178; Т. 9. С. 210–211.

²⁷ См.: Восстание... Т. 4. С. 104, 169, 277–278, 400–401; Т. 9. С. 60.

²⁸ Лорер Н. И. Записки моего времени. Воспоминания о прошлом // Мемуары... С. 345–346.

²⁹ См.: Гордин А. Я. Указ. пр. С. 222, 245, 345.

³⁰ См.: Горбачевский И. И. Указ. пр. С. 264–265.

³¹ Киянская О. И. К истории восстания Черниговского полка // Отечественная история. 1995. № 6. С. 31.

³² Покровский М. Н. Избранные произведения. Русская история в сжатом очерке: В 4 кн. М., 1967. Кн. 3. С. 154.

Поступила в редакцию 20.11.2001.

Елена Васильевна Корень – соискатель кафедры истории России. Научные руководители – доктор исторических наук, профессор И. В. Оржеховский, кандидат исторических наук, доцент В. В. Сергеенкова.

